

ДРЕВНЕБУЛГАРСКАЯ СУБСТРАТНАЯ ЛЕКСИКА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Желтов П. В.

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова», Чебоксары, Россия (428015, г. Чебоксары, Московский проспект, д.15), e-mail:chnk@mail.ru

На основании того, что *v*- протезирование как системное явление, присутствующее во всех диалектах и говорах, свойственно из тюркских языков только чувашскому – в других тюркских языках ему соответствует нуль-звука, увулярное *ɣ*, а в татарских и башкирских словах, заимствованных из болгаро-чувашского – *w*- и *b*- сделан вывод, что немногочисленные собственно тюркские слова с анлаутным *v*- в огузских и уйгуро-карлукских языках, имеющие все к тому же чувашские параллели, заимствованы из болгарского в древний и прабулгарский периоды. То же относится и к кыпчакским словам на *w*-, *b*- и к общетюркским словам на *b*-, происходящими из пратюркского *ḃ* через прабулгарский *v*-. Показан болгарский характер гагаузской дифтонгизации на примере гагаузских слов, имеющих параллели только в чувашском, таких как гагаузские *vo sala* ‘это, оказывается’ ~ чувашское *vo šapla* (<*šavla) ‘вон как’ || *voš(ă) apla* (<*avla) ‘вот как, оказывается’, вместо ожидаемого общеогузского *bu šöjle* ~ кыпчакское *bu šolaj*.

Ключевые слова: болгарский язык, тюркские языки, чувашский язык, дифтонгизация, протезирование.

ANCIENT BULGAR SUBSTRATUM LEXICS IN TURKIC LANGUAGES

Zhelto P. V.

I. N. Ulyanov's Chuvash State University Cheboksary, Russia (428015, Cheboksary, Moscow prospect, 15), e-mail:chnk@mail.ru

On the basis of the fact that *v*- prosthesis as a regular phenomena, present in all dialects and locals, is proper among Turkic languages only to Chuvash – in other Turkic languages to it correspond the null-sound, the uvular *ɣ*, and in Tatar and Bashkir words, borrowed from Bulgar-Chuvash the *w*- and *b*- is made the conclusion, that not numerous proper Turkic words with initial *v*- in Oguz and Uygur-Karluk languages, all having Chuvash parallels, were borrowed from Bulgar language during the ancient and pra-Bulgar periods. The same relates to Kypchak words beginning with *w*-, *b*- and to common Turkic words with *b*-, coming from pra-Turkic words with *ḃ* through pra-Bulgar *v*-. Was shown the Bulgar nature of Gagauz diphthongization on the example of Gagauz words, having parallels only in Chuvash, such as Gagauz *vo sa la* ‘it turns out’ ~ Chuvash *vo šapla* (<*šavla) ‘it is like this’ || *voš(ă) apla* (<*avla) ‘it’s like this’, ‘it turns out to be like this’, instead of expected common Oguz *bu šöjle* ~ Kypchak *bu šolaj*.

Key words: bulgar language, turkic languages, chuvash language, diphthongization, prosthesis.

Введение

Как известно, чувашский противопоставляется другим тюркским языкам как по соответствию – чув. *v* ~ тюрк. \emptyset -звука, так и по соответствию чув. *v* ~ тюрк. *ɣ*.

Здесь следует заметить, что Э. Р. Тенишев и его коллеги считали, что *v*- протезирование чувашских форм указывает не на первичность долгих гласных в пратюркском и на последующее их разложение на консонантный элемент и гласный элемент (по схеме *o:>o~^uo~vă*), а по закону Рамстедта-Пельо на первичный сильный согласный *b~p*, *v~f*, *k~g* [16].

Сюда же, по мнению Э. Р. Тенишева и его коллег, относится и дифтонгизация широких губных гласных в казахском, каракалпакском и гагаузском языках, а также

примеры с анлаутным *v*- вместо общетюркского *ø*-звука в тюркских языках (саларском, уйгурском и огузских), сближаемые с их чувашскими аналогами.

Результаты исследования и их обсуждение

При этом авторы однако совершенно не учитывают тот факт, что чувашский кластер *ǎǎ/(ǎǎ)/ǎǎǎ/(ǎǎǎ)*, равно как и якутский нисходящий дифтонг *uo*, последовательно соответствует тюркскому инлаутному *o*, ср. в анлауте: тюрк. *ol* ‘он’ ~ чув. *ǎǎl* ~ як. *uol*; в инлауте: тюрк. *bol* ‘быть’ ~ як. *buol*; чув. *кǎвǎк* ‘синий’ ~ тюрк. *kök* ‘синий’, чув. *кǎǎǎ* ~ тат. *кǎǎ* ~ каз. *кǎǎ* ‘мелодия’, откуда реконструируются пратюркские долгие *ō* и *ō̄*.

Тюркские языки не имеют тенденцию к элизии интервокальных инлаутных сильных согласных, поэтому в случае исходного сильного согласного он должен был бы сохраниться в тюркских словах и имел бы не *kök*, а *kövök/köböök* и т.п.

Известно, что при заимствовании иноязычных слов с анлаутным губно-зубным *v* (*ʋ*) в кыпчакские языки оно передается, либо через взрывное *b* (*ʋ*), либо через губно-губное *w* (полугласный), либо не передается вовсе – это связано с отсутствием губно-зубного *v* в кыпчакских языках, ср. рус. *ведь* > тат. *bum/bit*, рус. *воронка* > тат. *бүрәнкә / büränkä*, чув. *вакǎ | вақǎ, vagǎ*, булг.-чув. **vakǎ, *vǎkǎ, *vekǎ* > тат. *бәке | bǎkǎ*, > ккал. *үки | üki* ‘прорубь’.

Последнее слово проникло также в разное время и в финно-угорские языки, ср. марл. *ваке*, марг. *вǎкы*, венг. *vék* [18]. Башк. *мәке | mǎkǎ* ‘прорубь’ заимствовано из булг.-чув., вероятно, не опосредованно, через тат. *бәке | bǎkǎ*, а напрямую (*ʋ*-/*m*-), ср. чув. *вақǎр/мǎқǎр* ‘бык’.

Попутно отметим, что чув. *вак(ǎ)* ‘прорубь’ образовано от некогда существовавшего в булг.-чув. языке глагола *вак*- ‘дробить’, ‘измельчать’, ‘мельчить’ (совр. чув. *вакла*-) посредством присоединения к глагольной основе (корню) словообразовательного аффикса *-ǎ* (переднерядный алломорф *-ǎ̄*), образующего от глагольных основ (корней) имена существительные со значением имени или результата действия и имена прилагательные, выражающие качество, обусловленное действием, ср. *сут*- ‘продавать’ + *-ǎ* = *сутǎ* ‘продажа’; *ват*- ‘ломать’ + *-ǎ* = *ватǎ* ‘старый’ (о человеке и животных) < перен. *‘изломанный’, *‘искалеченный’, *‘увечный’; *хуп*- ‘закрывать’ + *-ǎ* = *хупǎ* ‘закрытый’ || ‘кожура’, ‘шелуха’ < *‘покрышка’ – чаще в форме *хупти* (*хупǎ* + афф. 3 л. ед. числа *-и*, служащий также аффиксом выделения); *сик*- ‘прыгать’ + *-ǎ̄* = *сикǎ̄* ‘припрыжка’ – чаще в форме *сикки* (*сикǎ̄* + афф. 3 л. ед. числа *-и*, служащий также аффиксом выделения).

В пользу существования в прошлом в булг.-чув. языке глагола **вак*- говорит чув. имитатив *вак* – подражание звуку, получающемуся при толчении (т.е. дроблении, измельчении) ячменя, полбы или кудели [2].

Помимо слова *вак(ă)* ‘прорубь’ от этого глагола в чув. языке образовано и омонимичное ему *вак(ă)* ‘мелкий’ (< *‘измельченный’, ‘раздробленный’).

Основа же *вакла-* (*вак-* + афф. *-ла* – образует глаголы от существительных и имитативов, а также вторичные глагольные основы от первичных глагольных корней) видимо в ещё более раннюю эпоху, чем *вак(ă)* проникла в кыпчакские языки в форме *waqla* (задняяязычная форма, где губно-зубное *v* передано через *w*), ср. тат. *вақла-*, башк. *вақла-*, каз. *вақта-* ‘мельчить’, ‘дробить’, но кирг. *талкалоо-*, *майдалоо-* ‘мельчить’, ‘дробить’, а также тат. *бәке* | *bäkĕ*, башк. *мәке* | *mäkĕ* ‘прорубь’ при каз., кирг. *ойық* ‘прорубь’ ← *ой-* ‘долбить’ ~ тат., башк. *уй-*.

При этом интересным явлением является в чувашском наличие дублетов, типа *чăмăрла* || *чăмăрта* ‘сжимать кулак’, дублеты с афф. *-та* сближаются с казахской словообразовательной моделью на *-та*, в противоположность общетюрк., тат., и распространённой в чувашском модели на *-ла*.

Интересными являются также такие дублеты с *v-* протезированием или с переходом *b>v*, как уйг. *vörüŝ* || *örüŝ* ‘поцелуй’ ~ общетюрк. *örüŝ* ~ чув. *ун-* ‘целовать’ в *унĕлтĕк* (тюрк. афф. рефлексива *-iŝ* ~ чув. *-ĕл*) ‘поцелуемся’ [3], а также чув. *вун* в *вунăр* ‘вампир’ (досл. ‘целующий’) = *вун-* + *-ăр* ‘древний аффикс причастия’ (~тюрк. *-ар*, ср. тур. *yazar* ‘писатель’) (этимологию *вун* ‘порча’ + *-ăр* = ‘портящий’ считаем вторичным переосмыслением), уйг. диал. *vol-* ‘быть’ ~ уйг. *bol-* ‘быть’ ~ общетюрк. *bol-* ~ тур. *ol-*, а также сал. *avo* || *oŷul* ‘мальчик’, ‘сын’ и тур. *evlât* ‘дети’ = *evl-* (<? булг.-чув. **avyl* / *ävyl* ‘сын’) + араб. суфф. мн. числа *-at* (собств. тур. огуз. *oğlu* ‘сын’), проникший и широко употребляющийся в персидском (формы *-at/-ğat*, форма *-ğat* образована от первой уже в персидском языке и в арабском отсутствует), где он образует мн.ч. и от собственно перс. слов. Сал. *avo* / *avu* [17] ‘сын’, ‘мальчик’ и тур. *evl-* в *evlât* сближаются с чув. *ывăл, äвăл* ‘сын’ < булг.-чув. *övdöl* || *aväl* ~ тюрк. *oŷul* < пратюрк. *öl*. Сюда же относится сал. *vi* ‘он’ ~ чув. *ву/во* ‘он’, узб. хорезм. *wi* ‘он’ (наряду с *vi* в сал. существует и форма *pi* ‘он’ [17]) ~ чув. *ву/во*. Об этом свидетельствуют и болгарские арабографические памятники, в которых наряду с *vn* [von], [vân] есть и *van* [van] ‘десять’.

Саларские формы *avo*, *avu* и тур. *evl-* (< булг.-чув. *aväl*, *avyl*, *ävyl*) свидетельствуют о существовании болгарских диалектов с гипераканьем – *a* на месте не только чувашского *o*, но и на месте общетюркского *o* и чув. *ă*, *ы*, *o/y*, еще в глубокой древности.

Турецкая форма *ol-* и тур. диал. форма *öl-* общетюрк. глагола *bol-* ‘быть’, а также сал. *vī(l)*, уйг. *vol-* ‘быть’ также возможно указывают на пратюрк. **öl-* ‘быть’ и на развитие формы *bol-* (в последовательности *vol->bol-*) из говоров булг.-чувашского типа. Тогда, совр.

чув. *n-* в *пол-* ‘быть’ вполне может быть возведено к булг. *b*, а булг. *b* к прабулг. *v*-[v]. Развитие пратюркских долгих гласных в болгарском языке могло быть таким: пратюрк. *ō* > прабулг. *“o>wo>βo>vo>древнебулг. bo*. Тогда имеем прабулг. *βol-*, *vol-* ‘быть’ > древнебулг. *b^ool->* ср.-булг., др.-чув. >*bol->*чув. *pol-*. При этом вероятнее всего развитие *b- < b^o- <β-*, а не *b- < b^o- <v-*, т.е. *v-* формы являются конечными, тупиковыми.

Проникновение чув.-булг. *вак(ǎ)* в такое количество языков связано видимо с развитым рыболовством у болгар. Действительно, арабский путешественник Ибн-Фадлан отмечал, что у болгар широко применяются рыбий жир и клей. Поэтому неудивительно, что термины, связанные с рыболовством, которое носило у болгар практически промышленные масштабы (раз выделявали / получали жир и клей), проникло к соседним тюркским (предки татар, каракалпаки, башкиры) и нетюркским народам (марийцы, мадьяры), жившим по соседству.

О длительном контакте поволжских болгар с кыпчаками говорит, по мнению Н. Баскакова, дифтонгизация широких губных гласных в каракалпакском языке: ккал. *“oq* ‘стрела’, *“oj* ‘мысль’, *“orun* ‘место’ [7].

Тоже явление имеет место и в казахском языке, ср. *“ot* ‘огонь’, *“öt* ‘желчь’ [16].

В казахском языке, как это проверено экспериментальными исследованиями, «гласные *o* и *ö* имеют *w*-образное начало... начальные *w* достигают 30–40 % общей длительности гласных, например казахское слово *он* ‘десять’ на русский слух воспринимается как *von*» [9].

Подобное явление имеет место и в гагаузском языке, ср. гаг. *“on* ‘десять’, *“o:lu* ‘сын’, *“odun* ‘дрова’, *“otuz* ‘тридцать’, более того, в ряде слов дифтонгоид *o* приобретает в гагаузском губно-зубной оттенок, ср. гаг. *“osa la* ‘это, оказывается’ [20].

Последнее является весьма характерным словом, которое имеет параллели только в чувашском языке, ср. чув. *воç(ǎ)/вуç(ǎ)* ‘вон’ [2] из чув. *во/ву çав(ǎ)* ‘вон тот’ и чув. *во çапла* (← чув. **çабла* < чув. **çавла*, ср. чув. *çана [šaba]/ çапала [šabala] = çапла* [2]) ‘вон как’, где *ву/во* ‘это’, ‘эта’, ‘это’ || ‘он’, ‘она’, ‘оно’, ср. рус. *вон, во, вот*. Ср. также чув. *воç(ǎ) апла* (**авла*) ‘вот как, оказывается’.

Причем параллелью чув. *çав* и *çапла* (<чув. **çавла*) в гаг. является общетюрк. *šü* ‘(вот) этот’, ‘тот’ и *šöjle* ‘(вот) так’ ~ тур. *şu* и *şöjle* ~ тат. *шул* и *шулай* ~ кыпчак. *ошо* и *шолай*, а не *sa* и *sola*, присутствующие в *“osa la*. Исходя из всего этого, можно предположить заимствованный характер гаг. *“osa la* из булг.-чув. **во çавла* / **vo šavla* или из булг.-чув. **воçǎ авла/*vošǎ avla* (гаг. *s* ~ булг.-чув. *š*, гаг. *a* в *“osa la* ~ чув. *a* в *šapla* в противоположность общетюрк. *o/u(ö)* в *šöjle, шулай, шолай*). Булгаро-чувашским влиянием,

возможно, также обусловлено *a* в кумык. *шалай* ‘так’ и в кумык. *шанча* ‘столько’ (~чув. *саван чохлӗ/чох* ‘столько’), которые зафиксированы в говорах кумыкского [10].

Действительно, саларские, уйгурские и огузские примеры носят спорадический, а не системный характер, более того, тюркские по происхождению слова (их «тюркскость» устанавливается по чувашским или межтюркским параллелям, и что важно (*sic!*) – нет межтюркских параллелей без чувашских) на букву *v*- в этих языках единичны (подавляющее большинство слов на *v*- являются арабо-персидскими или поздними русскими заимствованиями), и все имеют чувашские аналоги, как было показано выше на примерах. А вот в чувашском языке большинство слов на *в*- являются исконными и имеют тюркские параллели с *φ*-звуком (исключая параллели типа вышеуказанных с *v*-/*w*-, которые, на наш взгляд, являются болгарскими заимствованиями).

Гагаузская дифтонгизация также имеет болгаро-чувашский субстратный характер, чему доказательством служит показательное слово *^vosa la*, разобранные выше, для которого доказано его болгаро-чувашское происхождение. Тем более, что для этого нет никаких исторических препятствий, т.к. юг исторической Украины (Киевской Руси), Крым и Балканы были местом миграции и оседания древнеболгарских племён.

Что касается казахской и каракалпакской дифтонгизации, то влияние на неё болгаро-чувашского субстрата подтверждается, во-первых, наличием в казахском редуцированных гласных *ӱ* и *ӧ*, свойственных чувашско-татарско-башкирскому вокализму, а во-вторых, – рядом ротацирующих слов, типа каз. *қарақ* ‘вор’, ‘разбойник’ ~ тат. *қа^oрақ* ~ чув. *хурах*, *хорах* ÷ собств. тюрк. *қазақ*. Это слово, возможно, отражено в названии казахов, нападавших на оседлых тюрков Средней Азии и названных так последними. Болгаро-чувашское влияние прослеживается также в именах каракалпаков, известных в русских летописях под названием черных клобуков, ср. *Кунтувдый* ‘Солнце взошло’, букв. ‘Солнце родилось’ с *тув*- а не с общетюрк. *туг*-, *тог*-, что сближает его с чув. *тӓв* ‘рождать’, а также аффиксов, ср. каз. аффикс *-дi* в примерах типа *өстөлдi* ‘тот, что на столе’ ~ совр. чув. *-ти/-чи* в *сӓтелти* ‘тот, что в столе’, и в *сӓтел синчи* ‘тот, что на столе’ в противоположность тат. и кыпчак. афф. *-дагы/-дәге*.

Поэтому, считаем, что эти явления в тюркских языках есть следствие влияния болгаро-чувашского субстрата.

Выводы

Таким образом, есть все основания считать огузские и уйгуро-карлукские *v*-анлаутные слова, которые к тому же немногочисленны и все имеют чувашские параллели, древне- и прабулгарской субстратной лексикой, которая проникает в эти языки в разное время и на разных территориях из ассимилированного или болгарского субстрата.

В саларском языке и уйгурских диалектах Синьцзяня (Туркестана) *v*-формы появились, вероятно, ранее VIII–IX вв. н.э., предположительно, после III–IV вв. н.э., когда после распада хуннской державы и исхода древнебулгаро-чувашских племен (носителей тюркского языка *v*-, *-v*-, *r*-, *l*-типа) из центральноазиатских степей, последние стали заселяться древнетюркскими племенами (носителями общетюркского языка *b*-, *-ʏ*-, *φ*-, *r*-, *l*-типа), ассимилировавшими остатки булгаро-чувашских племен (субстрат).

При этом болгарские *v* и *β* воспринимались как *b* и *w* и лишь в некоторых языках в ряде слов сохранилось *v*. Таким образом, *v*-, *l*- и *r*- формы стали употребляться параллельно с *φ*-, *ʃ*- и *z*- формами (как например *u/o//bu/bo* – ‘он’, ‘она’, ‘оно’|| ‘этот’, ‘эта’, ‘это’; *jaʃ//jil* – ‘год’, ‘возраст’; *qazaq//qaraq* – ‘вор’, ‘разбойник’).

В качестве доказательства субстратной гипотезы можно привести имя вождя племени *kümiüş budun* ‘серебряный’ ламбдаизм ~ чув. *Кёмёл*, противопоставлен тюркскому сигмантизму в слове ‘*kümiüş*’) из рунической надписи (древнетюркской) из Кижилиг-хобу (современная Республика Тува, Россия) [12].

Такие слова как *wat*- и *waqla-/ waqta*-, видимо, были заимствованы кыпчаками (казахами и предками казанских татар) гораздо позднее из болгарских *a*-диалектов, откуда они проникли как реликтовые или субстратно-адстратные единицы в болгарские *o*-диалекты, давшие начало чувашским диалектам. Тат. и башк. *бәкә*, *мәкә* проникли в эти языки, видимо, уже в конце среднебулгарского периода или даже в казанский период.

Таким образом, есть все основания считать, что в прабулгарском языке не было ни *b*, ни *p*, а были только *w*->*β*-// *v*-, а в пратюркском на месте этих согласных было *o*.

Исследование выполнено в рамках соглашения № 14.В37.21.0712 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

Список литературы

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. / Н. И. Ашмарин. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1929. Т. IV. – 352 с.
2. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. / Н. И. Ашмарин. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1930. Т. V. – 420 с.
3. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. / Н. И. Ашмарин. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. Т. III. 1929. – 364 с.
4. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. / Н. И. Ашмарин. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. Т. XII. 1937. – 320 с.

5. Абдуллаев Ф. А. Хоразм шеваларининг таснифи масаласи / Ф. А. Абдуллаев. – Ташкент: «Фан», 1960. – 70 с.
6. Байчоров С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы: отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам / С. Я. Байчоров. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1989. – 294 с.
7. Баскаков Н. А. Части речи и словообразование. Ч. 1. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология / Н. А. Баскаков. – М.: Библиография, 1952. – 544 с.
8. Ганиев Ф. А. Современный татарский литературный язык: суффиксальное и фонетическое словообразование. – Казань: «Дом печати», 2005. – 360 с.
9. Джунусбеков А. К. Акустико-артикуляторные характеристики гласных казахского языка / А. Джунусбеков // Фонетика казахского языка. – Алма-Ата, 1969. – С. 70–71.
10. Керимов И. А. Очерки кумыкской диалектологии / И. А. Керимов. – Махачкала, 1967. – 153 с.
11. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии / С. Е. Малов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 112 с.
12. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков / С. Е. Малов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 116 с.
13. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий / В. В. Радлов. – СПб., 1893-1911. – Т. I–IV.
14. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общие и межтюркские основы на букву «Б» / Э. В. Севортян / отв. ред. Н. З. Гаджиева. – М.: «Наука», 1978. – 349 с.
15. Татарско-русский словарь. – М.: «Наука», 1966.
16. Тенишев Э. Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / Э. Р. Тенишев и др. / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М.: «Наука», 1984. – 484 с.
17. Тенишев Э. Р. Саларские тексты / Э. Р. Тенишев. – М.: «Наука», 1960. – 141 с.
18. Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков / М. Р. Федотов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. Т. 1. – 172 с.
19. Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens / C. Brockelmann. Leiden, 1954. – 384 p.
20. Kowalski T. Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est / T. Kowalski // Memoires de la commission orientaliste. Krakow: Polska akad. umjelnosci. – 1933. – № 16. – 38 с.
21. Zaiączkowski A. Chapitres choisis du Vocabulaire arabe-kiptchak «ad-Durrat al-mudīa fi-l-luġat at-turkīya» / A. Zaiączkowski // Rocznik Orientalistyczny. – 1965. Т. XXIX. – С. 39–38.

Рецензенты:

Корнилов Геннадий Емельянович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания (ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова»), г. Чебоксары.

Сергеев Виталий Иванович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой чувашского языкознания и востоковедения имени М. Р. Федотова (ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова»), г. Чебоксары.